29306

Д-ръ Мих. Попов Пропаган.
Мая 1901

29306 Жур. Мин. Народ. Просвѣщ. Май 1906.

БИБЛІОТЕКА Ученаго Комитета Мин. Унр.

8bbbb

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ НАУКИ МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. А. ДЖЕНТИЛИ И Г. ГРОЦІЙ.

Глава I. Предварительныя замѣчанія.—Біографія А. Джентили.—Реабилитація научныхъ заслугъ Джентили въ новѣйшее время, и ея крайности.

Въ послѣднее время наука международнаго права сдѣлала значительные успѣхи: появились обширные труды при участіи цѣлаго ряда лучшихъ научныхъ силъ, расширено поле научнаго изслѣдованія путемъ болѣе обстоятельнаго историческаго изученія (начиная съ среднихъ вѣковъ) нормъ и институтовъ международнаго права, сдѣлана даже попытка выяснить значеніе и вліяніе на развитіе науки великихъ историческихъ событій (напр. французской революціи). Вмѣстѣ съ этимъ стало развиваться и болѣе критическое отношеніе къ установившимся теоріямъ и прежнимъ авторитетамъ и въ частности къ основателю науки международнаго права (и права естественнаго) Г. Гроцію. Такъ Манчини, изучивъ трактатъ Петра Белли (Petrus Bellinus, 1502—1575) о правѣ войны (De re militari) готовъ былъ признавать Белли отцомъ науки международнаго права. Другіе (Лямпреди, Амари) эту честь приписываютъ Альберику Джентили, нѣкогда гонимому и забытому писателю не только у себя на родинѣ, но и въ его новомъ отечествѣ въ Англіи [1]). Въ Англіи же новую оцѣнку заслугамъ Джентили сдѣлалъ Голлендъ, издатель его трудовъ, пролившій много свѣта на жизнь и сочиненія Джентили своими архивными изысканіями; онъ также не безъ нѣкотораго пристрастія высказался, что Джентили откровенно можно признать основателемъ науки международнаго права (fairly

[1]) Hallam, называя его прямо компиляторомъ (is a compiler, Introduction to the Literature of Europe, London 1872, v. II p. 179).

Библиотека НКФ СССР

39

may be called [1]) the founder of the science of International Law). Теченіе, сложившееся въ Англіи, затѣмъ въ Италіи, отразилось и во Франціи въ трудахъ молодыхъ французскихъ изслѣдователей, признающихъ во главѣ съ Pillet Г. Гроція лишь однимъ изъ наиболѣе блестящихъ основателей науки международнаго права [2]). Между тѣмъ внимательное изученіе трудовъ этого даже самаго выдающагося [3]) изъ предшественниковъ Г. Гроція не только не можетъ развѣнчать славу Гроція, но еще рельефнѣе оттѣняетъ особенности и достоинства его выдающейся личности и научныхъ заслугъ.

Самая жизнь Джентили не лишена интереса для всякаго изслѣдователя, изучающаго исторію развитія человѣческой мысли. Альберикъ Джентили родился [4]) 14-го января 1552 года въ небольшомъ городкѣ Италіи Санъ-Джинезіо (въ округѣ Анконы); отецъ его Матѳей Джентили, врачъ по профессіи, происходилъ изъ дворянской семьи Джентили Росси, а мать Лукреція была дочерью Николая Петрелли. Въ молодости у него обнаруживается склонность къ занятію юриспруденціей, и въ 1569 году онъ поступаетъ студентомъ въ Перуджійскій университетъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій этотъ университетъ считался однимъ изъ лучшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Европѣ. Тамъ прежде читали свои лекціи Бальдъ и Бартолъ; въ то время тамъ профессорами были Ринальдо Родольфини, Оддъ, Ноній, Ланселотъ, Северъ Евгеній, Галифъ; ихъ лекціи слушалъ Джентили и получилъ степень доктора гражданскаго права (въ 1572 г.). По окончаніи курса наукъ Джентили получилъ мѣсто городскаго судьи (podesta) въ Асколе, но скоро оставилъ эту должность и занялся адвокатурой въ своемъ родномъ городкѣ С. Джинезіо (съ 1575 г.), гдѣ ему порученъ былъ кромѣ того пересмотръ городового положенія. Тѣмъ временемъ

---

[1]) Encyclopaedia Britanica 9 изд. т. X, 160—661, но въ Studies of Intern. Law (Oxford 1898 p. 1) признаетъ только, что D. has some c'laim (т. е. нѣкоторое право) to dispute with Grotios himself the title of the father of International Law.

[2]) Les fondateurs du droit international, Paris 1904; Introduction p. VIII: pour beaucoup Grotius est le véritable fondateur de notre science, je ne crois pas qu'un esprit impartial puisse accepter cette affirmation, и далѣе стр. IX.

[3]) Это высказываютъ Bayle, Moreri, Cinelli, Gerdessius, Lampredi, Makintosh, Hautefeuille, Heltzendorff — Rivier, Pierantoni, Nys и Nézard; да и самъ Гроцій признавалъ значеніе Джентили для своихъ изслѣдованій (De jure belli, Prolegom. § 38: Albericus Gentilis cujus diligentia sicut alios adjuvari posse scio et me adjutum profiteor).

[4]) Біографію его см. у Голленда Alberici Gentilis, De jure belli libri tres Oxonii, 1877; p. VI—XI (Alberici vita).

во взглядахъ отца произошла перемѣна, и онъ принялъ протестантизмъ. Реформація уже въ то время той свободой совѣсти, которую она проповѣдывала, пріобрѣтала себѣ приверженцевъ и въ Италіи — въ Моденѣ, Феррарѣ и даже Венеціи. Инквизиція жестоко преслѣдовала такихъ отступниковъ, и послѣдніе, спасаясь бѣгствомъ, по большей части выселялись въ Швейцарію, Голландію и Англію. Лукреція не рѣшилась оставить родную сторону и выразила свою преданность прежней религіи. „Я разрѣшаю тебѣ, говорила она съ болью въ сердцѣ своему супругу, уйти отсюда и совѣтую даже это сдѣлать, ибо не могу не сознавать опасности. Для меня же это невозможно сдѣлать, прости меня за это; я привыкла къ здѣшнему воздуху, пищѣ и религіи моей родины; если возьмешь меня отсюда — этимъ доведешь меня до смерти. Бери съ собою Альберика, а другихъ дѣтей оставь при мнѣ". Отецъ и сынъ направились въ Любляны (Лайбахъ) въ Крайну, и къ нимъ вѣроятно безъ вѣдома матери присоединился и старшій сынъ Сципіонъ. Въ Люблянахъ Матѳей Джентили благодаря своимъ способностямъ получилъ даже у герцога мѣсто придворнаго врача, но Альберика тянуло въ Англію, а Сципіонъ стремился въ Тюбингенъ для дальнѣйшаго образованія. Впослѣдствіи Сципіонъ Джентили, закончивъ образованіе въ Голландіи, получилъ профессуру въ Альтдорфѣ, здѣсь онъ и умеръ (1616 г.) и похороненъ въ Соборной церкви рядомъ со своимъ учителемъ Донелломъ, лекціи котораго онъ слушалъ въ Лейденѣ.

Альберикъ направился въ Англію черезъ Штутгардъ, Гейдельбергъ и Кельнъ, и тамъ благодаря рекомендаціи одного изъ своихъ соотечественниковъ (доктора Giambattista Castiglione, преподававшаго итальянскій языкъ королевѣ Елизаветѣ) познакомился съ вице-канцлеромъ Оксфордскаго университета Ѳомой Мэтю (Thomas Mathew), а затѣмъ и съ канцлеромъ университета (съ 1564 г.) Робертомъ Дедлеемъ, гр. Лейчестерскимъ. Послѣдній принялъ Альберика Джентили подъ свое покровительство и далъ ему рекомендательное письмо къ профессорамъ Оксфордскаго университета, въ коемъ упоминалось, что Джентили „вынужденъ былъ покинуть родину изъ за религіозныхъ убѣжденій, что онъ желалъ вступить въ члены университетской корпораціи и отдавать часть своего времени лекціямъ и другимъ занятіямъ по своей спеціальности". Замѣчательно, что уже тогда складывалась традиція, основывающаяся на какихъ-то статутахъ [1]) и по нынѣ тамъ живущая, по которой Оксфорд-

---

[1]) Пис. Роберта Лейчестерскаго, 24-го ноября 1580 г.: Because he is a stranger and learned and an exile for religion, I have thought good to commend him and

скій университетъ призванъ служить убѣжищемъ для ученыхъ иностранцевъ, покинувшихъ родину и подвергшихся преслѣдованію за свободу убѣжденій. Почти одновременно нашелъ себѣ пріютъ въ Оксфордѣ и другой изгнанникъ, уроженецъ Франціи — Іоаннъ Готманъ [1]). Въ тѣ дни, какъ и теперь, Оксфордскій университетъ состоялъ изъ нѣсколькихъ коллегій (при Джентили ихъ было 16), жившихъ самостоятельной жизнью, университетскій же совѣтъ вѣдалъ дѣла общаго характера, въ томъ числѣ возведеніе въ ученыя степени и принятіе новыхъ профессоровъ въ число членовъ университетской корпораціи. 14-го января 1581 года постановленіемъ совѣта Джентили былъ утвержденъ въ степени доктора гражданскаго права, полученной имъ въ университетѣ Перуджіи, и затѣмъ Джентили началъ чтеніе лекцій по гражданскому праву [2]) сначала въ качествѣ преподавателя, а впослѣдствіи профессора (утвержденіе его королевой Елизаветой въ званіи prof. regius ordinarius juris civilis состоялось въ 1587 г. по представленію статсъ-секретаря Вальсингема). Джентили читалъ свои лекціи въ коллегіи св. Іоанна, а жилъ въ такъ называемой New Inn Hall, и получалъ небольшое содержаніе отъ университета (около $6^1/_2$ фунт. стерл. въ годъ). Оксфордъ своей средой, своимъ мѣстоположеніемъ производилъ пріятное впечатлѣніе на Джентили и смягчалъ ему горечь изгнанія. Повидимому, и лекціи его имѣли успѣхъ. Уже въ первомъ своемъ сочиненіи, изданномъ въ Англіи (De Iuris Interpretibus Dialogi Sex Londini Wolfius 1582), онъ стремился поднять изученіе римскаго права въ Англіи. Въ то время, по свидѣтельству историка Оксфордскаго университета — Айлифа [3]), „книги цивилистовъ и канонистовъ,

these his honest requestes unto you.... that you will shewe him the favore that *accordinge to your Statutes and orders you maye and do use in like cases.* Повидимому тутъ играли роль религіозныя воззрѣнія, и ученые, у которыхъ (какъ у Iohn'a Keeper) могли за подозрить приверженность къ папству—не могли разсчитывать на гостепріимство въ Оксфордѣ.

[1]) Admissiones (Бодл. Библ. № 302) ad incipiendum in Facultate Juris anno MDLXXX die VI Martii: Incorpor. Iohannes Hottomanus } primus Gallus secundus Italus.
Albericus Gentilis }

[2]) Преемственно со времени учрежденія каѳедры при Генрихѣ VIII ее занимали наиболѣе выдающіеся ученые до Джентили: Story (1546), Aubrey (1553), Mosse (1554), Griffith (1558), Loffer (1565), Lloyd (1577), послѣ Джентили—Budden (1611), Zouch (1620), Sweit (1661), Boucher (1672), Bouchier (1712), Brooke (1736), Ienner Vansittart (1757), Wenman, Lawrence (1796), Phillimore (1809), Travers Twiss (1861), Iac. Bryce (1871 до 10-го іюня 1893).

[3]) Ayliffe Ancient and present State of the University of Oxford v. I, 188.

казавшіеся слишкомъ сильно пропитанными доктринами папства были заброшены и отданы на съѣденіе червямъ". Другими словами упадокъ изученія гражданскаго права объяснили вліяніемъ протестантизма, отрицательнымъ отношеніемъ къ католицизму, каноническому праву и ихъ авторитетамъ. Джентили, вѣроятно, удалось нѣсколько оживить интересъ къ изученію права гражданскаго и римскаго, но въ этомъ отношеніи онъ далеко уступаетъ своему современнику, великому учителю исторіи права—Куяцію (1520—1590). Послѣдній кладетъ въ основу изученія законовѣдѣнія исторію и филологію и съ ихъ помощью прежде всего возстановляетъ настоящій смыслъ текста твореній римскихъ юристовъ. Къ этой созидательной работѣ, которая могла бы его привести къ изученію обычнаго права (какъ и Куяція) Джентили не былъ способенъ, и въ томъ-то и заслуга послѣдующихъ за нимъ цивилистовъ, что они, несмотря на примѣръ Франціи, посвящали свои силы главнымъ образомъ изученію не римскаго, а отечественнаго права, своего родного Common Law. Отъ вопросовъ римскаго и гражданскаго права Джентили перешелъ къ изслѣдованію права международнаго. На изученіе этихъ вопросовъ его (какъ и Гроція) наталкивали первоначально запросы современной жизни, международной практики и отсутствіе руководящихъ началъ для ихъ разрѣшенія [1]). Важно то, что оба они считали себя призванными къ научному разрѣшенію этихъ запросовъ своего времени, хотя и руководились мотивами совершенно разнаго характера. Гроцій защищалъ интересы своей родины, своихъ соотечественниковъ, и исходилъ изъ общефилософскихъ, этическихъ воззрѣній; Джентили разрабатывалъ ученіе о правѣ войны скорѣе какъ юристъ-практикъ: съ началомъ войнъ, которыя ему приходилось переживать тогда, для Джентили открывалось широкое поприще практической дѣятельности: защита интересовъ частныхъ лицъ, т. е. иностранцевъ [2]), а затѣмъ и подданныхъ той страны, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище. Важно то, что оба они чувствовали потребность къ научному обобщенію явленій жизни, не довольствуясь простымъ наблюденіемъ [3]). Въ 1584 году Джентили (вмѣстѣ съ Я. Готманомъ—коллегой по университету) давалъ заключеніе англійскому правительству

---

[1]) Al. Gentilis, De jure belli начинается словами: Magnam, atque difficilem rem aggredior, qui de jure belli suscipio scribere, quod latet in recessibus naturae, et distractum varie, et dissipatum valde est. Neque enim hoc jus est libris collectum.... Non habent libri illi de hoc jure, non alii ulli, qui extent.

[2]) Какъ напр. въ дѣлѣ португ. подданнаго Botelio противъ H. Iong'a (май 1605 г.).

[3]) Gentilis: mihi questiones facti attingere non libet.

по дѣлу испанскаго посланника въ Англіи—Мендозы, котораго обвиняли за соучастіе въ заговорѣ противъ Елизаветы. Инцидентъ этотъ далъ Джентили поводъ написать особую монографію о посольскомъ правѣ [1]).

Вскорѣ послѣ утвержденія Джентили профессоромъ стали выходить въ свѣтъ его труды, или комментаріи, какъ онъ ихъ называлъ, о правѣ войны [2]). Это сочиненіе, какъ и о посольскомъ правѣ, получило распространеніе не только въ Англіи, но и на континентѣ Европы и выдержало тамъ нѣсколько изданій.

Въ августѣ 1600 года [3]) Джентили вступилъ въ члены корпораціи адвокатовъ Gray's Inn, съ этого времени онъ переселился въ Лондонъ и только изрѣдка бывалъ въ Оксфордѣ. Повидимому, званіе профессора, литературные труды сдѣлали извѣстнымъ имя Джентили и создали ему большую практику. Такъ, когда съ прекращеніемъ войны между Англіей и Испаніей военныя дѣйствія все еще продолжались между голландцами, и у англійскихъ судей оказалось много дѣлъ по жалобамъ испанцевъ на захваты ихъ судовъ у береговъ Англіи голландскимн корсарами—Испанія, съ разрѣшенія короля Іакова I, ввѣрила Джентили защиту интересовъ испанскихъ подданныхъ передъ англійскими судами. Въ этихъ процессахъ, которые велъ Джентили въ теченіе трехъ лѣтъ, въ англійскомъ адмиралтейскомъ судѣ возбуждались разные вопросы международнаго морского права, которые Джентили изслѣдуетъ въ отдѣльномъ сочиненіи [4]) (Advocatio Hispanica), издан-

---

[1]) Alberici Gentilis De Legationibus, libri tres, Londini. Excudebat Thomas Vautrollerius 1585 in 4° (др. изд. въ Ганнау 1594, 1596, 1607). Краткое содержаніе этого труда у Тамма (Al. Gentili) 31—74; Pillet, Les fondateurs du dr. int. p. 69—74 (ст. Hedry Nézard).

[2]) Jure belli Commentatio prima, Londini Wolfius, 4°. Secunda, 158$^{8}/_{9}$; Tertia 1589, (всѣ посв. гр. Эссекскому). На континентѣ первое изданіе вышло въ Ганнау (apud Antonium) въ 1598, одинъ изъ экземпляровъ котораго пріобрѣтенъ и пожертвованъ затѣмъ Сельденомъ Бодлейянской библіотекѣ въ Оксфордѣ. Въ 1770 г. въ Неаполѣ предпринято было Joh. Gravier изданіе полнаго собранія сочиненій Д., но за смертью Гравье издано было всего лишь два тома. Лучшее изд. этого трактата принадлежитъ проф. межд. права въ Оксф. унив. Голленду: A. Gentilis: De Jure belli libri tres edidit Thomas Erskine Holland Oxonii: MDCCCLXXVII. Голлендъ сдѣлалъ для труда Д. то, что Барбейракъ для Гроція: указалъ источники его труда и привелъ цитаты, тщательно провѣренныя.

[3]) Въ архивѣ коллегіи сохранилась такая запись: 1600, August 14; admitted Albericus Gentilis, Doctor of Civil Law, Regius Professor at Oxford, son of Mattden Gentilis, M. D. by blood „Picenus".

[4]) Advocationis Hispanicae libri duo. 1613.

номъ послѣ его смерти его братомъ, Сципіономъ Джентили, совѣтникомъ Нюренбергскаго сената и профессоромъ римскаго права въ Альтдорфѣ. Подъ конецъ жизни Джентили выступилъ защитникомъ интересовъ англичанъ въ любопытномъ процессѣ о пріобрѣтеніи (куплей) приза, захваченнаго пиратами, отъ непирата. Дѣло было такъ. Венеціанское судно было захвачено въ Средиземномъ морѣ англійскимъ пиратомъ, который доставилъ призъ въ Тунисъ и тамъ его продалъ англичанину Crosman Rais, одному изъ сановниковъ тунисскаго бея, а Кросманъ перепродалъ призъ Лондонскимъ купцамъ (окт. 1607), противъ коихъ (въ ноябрѣ 1607) венеціанскій посланникъ въ адмиралтейскомъ судѣ возбудилъ искъ, и такъ какъ въ Англіи какъ занятіе пиратствомъ, такъ равно и пріобрѣтеніе имущества, захваченнаго пиратами, преслѣдовалось закономъ—16-го декабря т. г. рѣшеніемъ адмиралтейскаго суда наложенъ былъ арестъ на купленные у Кросмана товары.

Защиту интересовъ венеціанцевъ остроумно отстаивалъ въ особой запискѣ, представленной суду, профессоръ юридическаго факультета Падуанскаго университета Маркъ Антоній Пеллегрино (въ маѣ 1608 г.). Дѣло, повидимому, рѣшено [1]) было въ пользу венеціанцевъ, аргументація Джентили была неубѣдительной, и насколько можно догадываться (на основаніи позднѣйшихъ петицій англичанъ, жившихъ въ Левантѣ) Іаковъ I обѣщалъ венеціанскому посланнику, что англичанамъ будетъ воспрещено пріобрѣтеніе призовъ въ тѣхъ иностранныхъ портахъ (на востокѣ), которые обыкновенно служатъ рынками для продажи грузовъ и кораблей, захваченныхъ пиратами.

Джентили не пришлось увидѣть окончаніе этой тяжбы: іюня 14-го 1608 года Джентили совершилъ свое духовное завѣщаніе, въ коемъ всѣ сочиненія (за исключеніемъ Advocatio Hispanica) признавая очень несовершенными (to much imperfecte), просилъ своего брата Сципіона сжечь [2]). Онъ считалъ возможнымъ выпустить сочиненіе о защитѣ интересовъ испанскихъ подданныхъ, такъ какъ полагалъ, что это сочиненіе при всѣхъ своихъ недостаткахъ (if they be not very perfecte)

---

[1]) Относ. сюда матеріалы въ рукоп. Брит. музея въ такъ назыв. Caesar pap.

[2]) All my bovkes written with my hanb mi said brother shall cause to be burute becuse they are to much imperfecte onelysse spanich bovkes advocationis sohich if they be not very parfecte he mysaid brother may. svithovte necessary trouble. mende them. Къ счастью, это желаніе Джентили не было исполнено, и всѣ его труды (въ XV том.) вмѣстѣ съ сочиненіями Сципіона (въ XIV т.) поступили въ Бодлейянскую библіотеку, гдѣ и понынѣ находятся. Всѣ труды Джентили были занесены въ Index libr. prohib. 1603 года.

не вызоветъ особыхъ затрудненій при его изданіи (without necessary trouble), такъ какъ оно посвящено вопросамъ не теоретическимъ, а практическимъ. Джентили желалъ, чтобъ его похоронили рядомъ съ могилой его отца (ум. 4-го іюня 1602 г.). Джентили скончался 19-го іюня и погребенъ въ Лондонѣ на кладбищѣ при церкви св. Елены (возлѣ Bishopsgate Street, гдѣ теперь зданія St. Helen's Place) 21-го іюня 1608 года.

Пока представляется затруднительнымъ дать общую цѣльную характеристику личности Джентили: въ его дѣятельности, трудахъ и воззрѣніяхъ много противорѣчій [1]), и даже первоначальное довольство своей судьбой послѣ пріѣзда въ Оксфордъ смѣняется подъ конецъ жизни сознаніемъ неудовлетворенности: итальянскій схоластикъ никогда не могъ понять особенностей Англіи, ея учрежденій, ея парламентскаго представительства, которое болѣе ста лѣтъ назадъ изучалъ Фортескью, и потому и вліяніе трудовъ Джентили на англійскихъ изслѣдователей могло быть только временное; въ XVIII в. на него не встрѣчаемъ ссылокъ въ рѣшеніяхъ англійскихъ судей. Интересъ къ изученію трудовъ Джентили оживился недавно въ концѣ прошлаго столѣтія, послѣ того какъ Голлендъ въ своей вступительной лекціи, прочитанной въ Оксфордскомъ университетѣ 7 ноября 1874 года на основаніи архивныхъ изслѣдованій, возстановилъ въ памяти потомства заслуги этого выдающагося въ свое время ученаго. Въ январѣ 1875 года съ лекціей Оксфордскаго профессора познакомился Манчини, бывшій тогда профессоромъ въ Римѣ, и вскорѣ имя Джентили стало популярнымъ въ Италіи несмотря на противодѣйствіе и даже агитацію клерикальной прессы (Civilta Cattolica, Osserv. Romano, Voce della Verità и др.), протестовавшей противъ нечестивой въ ихъ глазахъ попытки почитать нынѣ память еретика, врага церкви (contro l'empio dissegno di onorare in Alberico Gentili un nemico della Chiesa). Тѣмъ не менѣе популярность Джентили росла, на мѣсто родины его (въ Санъ-Джинезіо) совершались паломничества, и даже былъ возбужденъ итальянскимъ правительствомъ вопросъ о перенесеніи праха Джентили въ Италію, но это желаніе итальянскихъ патріотовъ почтить

---

[1]) Такъ, отрицая каперство, онъ защищаетъ интересы англійскихъ купцовъ (въ 1607), также неясны были его взгляды на разводъ, на школу Куяція; изъ антагонизма къ папству Джентили является сторонникомъ абсолютной власти королей (De potestate regis absoluta, 1605), подлаживаясь къ тенденціямъ Тюдоровъ (особенно Елизаветы), не любившихъ, чтобы и въ парламентѣ обсуждали вопросы королевской прерогативы.

память изгнанника не могло получить удовлетворенія, такъ какъ и до сихъ поръ не установлено точно мѣсто могилы. Хотя и до сихъ поръ еще не поставили памятника Джентили, но въ честь его названъ техническій институтъ, открытый въ Мацерато (въ 1885), а въ 1890 въ присутствіи короля торжественно была прибита въ Перуджійскомъ университетѣ мраморная доска въ воспоминаніе объ учившемся въ немъ когда-то А. Джентили.

Въ Англіи также не заглохло теченіе къ возстановленію научныхъ заслугъ нѣкогда забытаго итальянца. При Оксфордскомъ университетѣ подъ предсѣдательствомъ Р. Филлимора былъ образованъ комитетъ, который поручилъ изданіе трудовъ Джентили проф. Голленду, а въ честь Джентили комитетъ поставилъ небольшой памятникъ (въ церкви св. Елены въ Лондонѣ) [1]), украшенный гербами рода Джентили, г. С. Джинезіо и университетовъ Оксфорда и Перуджіи.

Въ Нидерландахъ, гдѣ также находили себѣ убѣжище гонимые протестанты, по примѣру Оксфорда былъ образованъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ проф. Ассера, но общественное мнѣніе страны въ виду преувеличенной оцѣнки трудовъ Джентили въ Италіи (Джентили называли основателемъ науки международнаго права, а Гроція плагіаторомъ) усмотрѣло въ цѣляхъ комитета стремленіе умалить заслуги своего великаго соотечественника Г. Гроція. Дѣятельность комитета ограничивалась нѣсколькими статьями, посвященными Джентили въ газетахъ (Alegemeen Handelsblaad), а Гроцію поставили памятникъ въ Дельфтѣ въ 1886 г.

Глава II. Краткая характеристика важнѣйшихъ трудовъ Джентили.—1) De legationibus; 2) De jure belli и 3) Hispanica advocatio.

I. Сочиненіе Джентили о посольскомъ правѣ носитъ случайный характеръ, оно написано по поводу инцидента съ испанскимъ посломъ Мендозой и посвящено авторомъ своему патрону сэру Филиппу Сиднею.—Весь трактатъ дѣлится на три части (книги), и методъ изложенія болѣе историческій, а не догматическій, какъ въ сочиненіи о правѣ войны.

---

[1]) Памятникъ торжественно открытъ 7-го іюня 1877 г. и имѣетъ слѣдующую надпись: „Epithaphium hoc olim conscriptum, sed nunquam adhuc in lyceum editum, et edaci vetustate pene abolitum viri insignissimi hic viciniae timulati in memoriam quidam ex amatoribus jurisprudentiae et liberalium artium poni curaverunt, anno salitis MDCCCLXXVII“.

Въ книгѣ *первой* Джентили выясняетъ публичный характеръ [1]) функцій посла и дѣлитъ миссіи на три категоріи: *публичныя*, отличающіяся торжественностью, когда лицо посылается для исполненія государственныхъ дѣлъ (какъ напр. въ виду объявленія войны или заключенія мира); *частныя* (libera legatio.... qui ob privatam exiit occasionem), и *дѣловыя* или случайныя (legatio factorum), когда лицо посылается съ какимъ-либо спеціальнымъ порученіемъ (для принесенія привѣтствія, выраженія соболѣзнованія, передачи грамоты или письма). Дѣленія на ранги Джентили не знаетъ, не упоминаетъ и о консулахъ, изученіе коихъ начало уже привлекать вниманіе изслѣдователя [2]). Затѣмъ Джентили приводитъ примѣры посольствъ, заимствуя ихъ изъ Тита Ливія, Тацита, Ксенофонта, Полибія, Плутарха и другихъ авторовъ древности [3]).

Вторая книга—важнѣйшая по своему содержанію и своимъ выводамъ; въ ней наболѣе сказывается оригинальность сужденій и самостоятельность мысли Джентили, какъ протестантскаго ученаго. Центромъ изложенія является вопросъ о преимуществахъ дипломатическихъ агентовъ. Неприкосновенностью пользуются дипломатическіе представители какъ въ томъ государствѣ, гдѣ аккредитованы, такъ и въ томъ, черезъ которое они слѣдуютъ къ мѣсту своего назначенія и не только въ мирное, но и въ военное время. Можно отказаться отъ принятія дипломатическаго агента, но только въ случаяхъ уважительныхъ. Если аккредитованный посолъ будетъ заниматься шпіонствомъ, или составитъ заговоръ—его нужно отослать обратно въ отечество. Активнымъ правомъ посольства могутъ пользоваться монархи, воюющія стороны, государства, но не пираты, разбойники, мятежники; изъ за различія религіозныхъ вѣрованій [4]) нельзя отказывать въ правѣ вести дипломатическія сношенія невѣрнымъ еретикамъ, отлученнымъ

---

[1]) Qui publico nomine ad rem publicam personamve aliam sacratiorem ob rem publicam aut sacratiorem missus est rei dicendae agendae causa.

[2]) Я. Готмана и др.

[3]) Новѣйшихъ писателей (кромѣ Tacco Il. Messagiero, изд. въ 1580 г., напеч. недав. у проф. Грабаря De Legatis, Dorpati MDCCCCV, 117—121) онъ не имѣлъ подъ руками, хотя и былъ знакомъ съ ними, и потому другъ Джентили Я. Готманъ правильно замѣтилъ о писателяхъ по посольскому праву: memes qui lira les escrits des modernes en ce sujete de Brunus, Magius, Gentilis, le Vayer et autres que j'ai veus, il semble qu'ils ont tous emprunté les uns des autres quoique tous y ayent doctement travaillé. У проф. Грабаря въ изд. De legatis стр. 153.

[4]) Кн. II passim: ne propter religionis dissidia debeanie jura legations perturbari... Est cum Mahometistis commercium legatorum.

отъ церкви (какъ напр. Венеціи при папѣ Юліѣ II), такъ какъ они составляютъ политическое общество, являются подчиненными законамъ государственнымъ и Римъ поддерживалъ сношенія съ протестантами.

Если дипломатическій агентъ совершитъ преступленіе — онъ не можетъ быть ни судимъ, ни наказанъ по суду иностраннаго государства, но Джентили согласно традиціямъ англійской судебной практики стремится ограничить (и совершенно справедливо) привилегированное положеніе посла по дѣламъ гражданскимъ, что̀ такъ талантливо впослѣдствіи развивалъ Бейнкерсгукъ.

Въ этомъ отношеніи посолъ долженъ подчиняться юрисдикціи гражданскихъ судовъ, напримѣръ, по договорамъ, которые онъ можетъ заключать во время своего пребыванія на службѣ, хотя аргументація Джентили съ ссылками на римское право—несостоятельна.

Въ книгѣ третьей, по обычному съ давнихъ временъ выработанному Италіей [1]) шаблону, излагаются качества [2]), которыми долженъ обладать хорошій посолъ. Эти качества, необходимыя для представительства, многочисленны: посолъ долженъ быть красивъ, обладать выдающимся умомъ, ораторскими способностями, начитанностью, быстротою сужденія, достоинствомъ въ манерахъ, онъ долженъ знать языкъ, исторію и нравы страны мѣста своего служенія. Для руководства въ политикѣ рекомендуется слѣдовать Маккіавелли, котораго Джентили защищаетъ отъ несправедливыхъ нападокъ. Настойчивость требованій дипломатическаго представителя не должна исключать примирительнаго его образа дѣйствій и всегдашней умѣренности, хладнокровія и благоразумія, которое должно его предохранить отъ возможнаго обмана. Уже тогда дипломатическія сношенія представляли нерѣдко изъ себя сложную, запутанную интригу, и подобные совѣты не были излишними. Въ виду этого рекомендовалось также не связывать себя заранѣе обѣщаніями и вести переговоры такъ, чтобы оставлять за собою возможность отступленія. Всѣ эти качества характеризуютъ настоящаго посла и таковымъ, по мнѣнію Джентили, и былъ въ дѣйствительности Ф. Сидней [3]).

---

[1]) Благодаря раннимъ и оживленнымъ сношеніямъ съ Византіей, восточными народами и западно-европейскими государствами.

[2]) Изложеніе ихъ встрѣчается съ конца сред. вѣк. до пол. XVIII ст., когда Мабли (Principes des négotiations 1757 гл. 19 стр. 253) показалъ полную несостоятельность подобнаго рода требованій.

[3]) Sidney Philip (1554—1586), одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, исполнялъ дипломатическія порученія при различныхъ европейскихъ дворахъ,

II. Важнѣйшій и наиболѣе цѣнный трудъ Джентили о правѣ войны состоитъ изъ трехъ книгъ. Въ книгѣ *первой* онъ опредѣляетъ войну какъ вооруженную борьбу, публичнаго характера и справедливую (bellum est publicorum armorum justa contentio). Война состязаніе вооруженное, ибо ведется не на словахъ, а при помощи оружія (verbis gerere ineptum est); она носитъ публичный характеръ (publica sit contensio), ибо она ведется открыто между равными, независимыми сторонами или, какъ выражались римскіе юристы (Помпоній, Ульпіанъ), съ врагомъ публичнымъ, чѣмъ война отличается отъ дуэли, частной войны и разбоя; наконецъ самое веденіе войны должно сообразоваться съ началами права и справедливости, и когда одно изъ указанныхъ условій отсутствуетъ, война утрачиваетъ свой правомѣрный (justum piumque) характеръ.

Когда Джентили принялъ этотъ критерій войны, установленный еще древнимъ Римомъ, унаслѣдованный затѣмъ средними вѣками—въ умѣ его зародился цѣлый рядъ сомнѣній, можно ли вообще оправдывать войну. Еще Цицеронъ сознавалъ антисоціальный характеръ войны (Джентили приводитъ его слова: bellum quidem esse contra aliquam rationem humanam, qua ad societatem, non ad dissidia geniti sumus), хотя и мирился съ нею какъ средствомъ, принудительно приводящимъ къ возстановленію законности и справедливости, а потому дѣлаетъ такой выводъ и Джентили: quod cujus finis est bonus, ipsum quoque bonum et justum est (что ведетъ къ добру есть также благо и справедливость). Но какъ извѣстно, въ первыя времена своей жизни, противъ войны выступила церковь, слѣдуя завѣтамъ своего Божественнаго основателя, который пришелъ на землю учить миру, а не войнѣ (qui venit pacem docere). Эти идеи поддерживали отцы церкви (Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Тертуліанъ, Лактанцій, Василій Великій и другіе), затѣмъ секты (манихеянъ), позже альбигойцы и анабаптисты, и къ нимъ примыкалъ извѣстный своей ученостью гуманистъ Эразмъ Роттердамскій (1466—1536). Протестантизмъ содѣйствовалъ возрожденію идей первыхъ пацифистовъ, и съ ихъ доводами придется считаться не только Джентили, но и Гроцію.

Но, какъ извѣстно, довольно рано противники войны вызвали противъ себя реакцію цѣлымъ рядомъ причинъ (утвержденіемъ христіанства какъ господствующей религіи, союзомъ церкви съ имперіей, необходимостью

не любилъ іезуитовъ и пользовался симпатіями современныхъ ему литераторовъ и ученыхъ.

вести борьбу на западѣ съ варварами, на востокѣ съ исламомъ). Въ виду этого средневѣковая мысль (на соборахъ и въ лицѣ отдѣльныхъ писателей) не отрицаетъ войны, но признаетъ ее какъ необходимое зло, и старается ограничить злоупотребленіе силой. Эти мысли формулировалъ блаженный Августинъ (ум. 28 авг. 430,—pacem debet habere voluntas, bellum necessitas; justa bella definiri solent quae ulcissuntur injurias). Эта условная аргументація въ пользу войны опиралась на сознаніи необходимости защиты отъ враговъ, въ которой такъ нуждались средневѣковое общество и государство. Этими данными опредѣляется и методъ аргументаціи Джентили. Изъ духовныхъ писателей онъ цитируетъ нѣкоторыхъ (Тертуліана, Амвросія, Кипріана, Григорія, Василія Великаго, Лактанція), позднѣйшихъ глоссаторовъ Бальда и Скалигера и объ Эразмѣ замѣчаетъ: atque Erasmum quid dicam? qui per longissimam disgressionem in suis Proverbiis injustitiam belli exagitat, откуда можно думать, что разсужденія Эразма производили сильное впечатлѣніе на современниковъ.

Ближайшимъ образомъ Джентили войну считаетъ правомѣрной ту, которая вызвана справедливыми мотивами (или поводами), и таковые онъ дѣлитъ на три категоріи: а) духовные или религіозные, б) естественные и в) вытекающіе вслѣдствіе нарушенія правъ людьми (triplicis speciei sunt aut divinae sunt, aut naturales, aut aliae hominum).

а) Первый родъ составляютъ религіозныя войны, это тѣ войны, которыя велись по завѣту Іеговы (іудеями противъ хананеянъ), по предписанію оракула (спартанцевъ съ аргивянами) или пророка, какъ Магомета, завѣщавшаго своимъ послѣдователямъ вести войну противъ невѣрныхъ (ради распространенія и торжества ислама). Но такъ какъ нѣкоторые даже на соборахъ поощряли веденіе войнъ противъ еретиковъ, или давали такого рода обѣты [1]), Джентили въ особой главѣ останавливается на вопросѣ, можно ли предпринимать войну изъ за религіи, и будетъ ли такая война справедливой (гл. IX: an bellum justum sit pro Religione)? Отстаивая принципъ свободы совѣсти (neque dominus est animae nisi unus Deus... libertas religioni debetur), Джентили осуждаетъ войны противъ еретиковъ и даже язычниковъ, ссылается при этомъ на авторитетъ Викторіи, осуждавшаго войны испанцевъ, предпринятыя для обращенія въ христіанство индѣйцевъ. Джентили не безъ ироніи замѣчаетъ, что такъ называемыя религіозныя войны велись церковью изъ за свѣтскихъ притязаній.

---

[1]) Филиппъ Испанскій II (1527—1598).

б) Война является естественной, когда она вызывается причинами, созданными самой природою вещей, коренящимися въ коллизіи интересовъ, нравовъ, религіозныхъ вѣрованій. Войны этого рода носятъ оборонительный характеръ и оправдываются необходимостью собственной защиты, когда ограничиваютъ доступъ къ портамъ, къ морю, или участіе въ торговыхъ сношеніяхъ.

в) Въ-третьихъ, война будетъ справедлива, если вызывается нарушеніемъ правъ, совершеннымъ иностраннымъ государствомъ или частными лицами, но при этомъ не слѣдуетъ вспоминать о старыхъ, давно нанесенныхъ обидахъ.

Книга *вторая* трактата открывается разсужденіемъ о томъ, чѣмъ опредѣляется ближайшимъ образомъ характеръ правомѣрной, справедливой войны; и это зависитъ не только отъ мотивовъ, вызвавшихъ войны, но также и отъ самаго характера ея веденія (neque enim satis est, si suscipiter juste, nisi et *juste geratur*, ut dicit Augustinus). Уже римское понятіе публичнаго врага предполагало (по Цицерону), что и на войнѣ врагъ долженъ признавать (уважать) религію и законность воюющихъ сторонъ, чѣмъ онъ отличается отъ разбойника. Поэтому война должна быть прежде всего предварительно объявлена, какъ этого требуютъ римскій обычай и право каноническое [1]).

Говоря о средствахъ военныхъ дѣйствій, Джентили допускаетъ примѣненіе хитрости, но исключаетъ вѣроломство, считаетъ непозволительнымъ употребленіе яда, отравленнаго оружія, змѣй и дикихъ животныхъ, но допускаетъ примѣненіе для военныхъ цѣлей и дѣйствій слоновъ, собакъ и въ особенности лошадей. Врагу, просящему пощады, должно сохранить жизнь, условія капитуляціи ограничиваютъ права побѣдителя, перемиріе пріостанавливаетъ военныя дѣйствія, но не прекращаетъ состоянія войны. Плѣнные не должны быть убиваемы, и обращеніе съ ними не должно быть жестокимъ (за нѣкоторыми

---

[1]) Джентили энергически отстаиваетъ принципъ объявленія войны (при наступленіи, но не при оборонѣ): sed si bellum non indicitur, quam indici oportet: tum proditorie agi dicitur et iniustum et detestabile et internecinum bellum est: id est, quod nulla lege belli, sed pro libidine geritur et in quo omnia jura belli merito cessare videntur. Основныя мысли Альціата, развитыя Джентили, усвоены были затѣмъ Г. Гроціемъ (въ III кн. гл. 3 § V—XIV). Только Бейнкерсгукъ рѣшился *первый* прямо отвергнуть необходимость предварительнаго объявленія войны. Ср. замѣчанія у проф. Грабаря „Объявленіе войны въ межд. правѣ". Вѣстн. права, апрѣль 1904, стр. 158 и слѣд., хотя нельзя не пожалѣть, что проф. Грабарь не обратилъ вниманія на ученіе Джентили.

ограниченіями, вызываемыми тѣми случаями, когда они изобличены въ вѣроломствѣ или нарушеніи законовъ войны).

За два вѣка до Франклина у Джентили замѣтно то же стремленіе, что и въ статьяхъ знаменитаго квакера—провести различіе между комбатантами и ограничить примѣненіе военныхъ дѣйствій по отношенію къ нѣкоторымъ сооруженіямъ (храмамъ), лицамъ (женщинамъ дѣтямъ, мирному населенію), если таковыя не оказываютъ помощи непріятелю. Джентили осуждаетъ разореніе храмовъ, частной собственности и произведеній искусства, и допускаетъ исключенія (въ видѣ репрессалій), когда и самъ противникъ не признаетъ этихъ принциповъ.

Книга *третья* излагаетъ ученіе о правахъ непріятельской власти, трактуетъ о заключеніи мира, установленіи контрибуціи, освобожденіи плѣнныхъ, толкованіи и исполненіи мирныхъ трактатовъ и заканчивается гимномъ миру.

III. Наконецъ въ своемъ сочиненіи Advocatio Hispanica Джентили отстаивалъ права нейтральныхъ, онъ допускалъ право убѣжища на нейтральной территоріи, но непріятель не имѣлъ права распространять на нее своихъ военныхъ дѣйствій и даже проводить черезъ нее своихъ плѣнныхъ. Въ противоположность Коварувіасу, который признавалъ законнымъ захватъ частной собственности каперами, Джентили (въ интересахъ конечно Англіи) прямо осуждаетъ каперскія свидѣтельства (это грозное оружіе въ рукахъ слабѣйшихъ противъ сильныхъ морскихъ державъ) и приравниваетъ каперство къ морскому разбою (dice esse odiosissimum hoc jus litterarum markae quod merito divinissimus noster rex abominatur; per quod geretur latrocicinium verius quam bellum contra inermes et inoxios mercatores et alios ab aciebus longe positos), наносящему вредъ отнюдь не врагу, а непричастнымъ къ войнѣ частнымъ лицамъ.

Глава III. Общія замѣчанія относительно метода и научныхъ заслугъ Джентили.

1) Въ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ Джентили исходитъ изъ идеи духовнаго единства всего человѣческаго рода, духовной общности государствъ, составляющихъ между собою одно политическое общество, одно духовное цѣлое. Къ этому единству возносились еще мысли римскихъ стоиковъ, ея осуществленіе средневѣковые юристы видѣли въ традиціяхъ Рима, унаслѣдованныхъ Священной римской имперіей, и это духовное единство находило свою опору въ лицѣ Папы и Императора. Въ XIV вѣкѣ это духовное единство средневѣ-

кового мира окончательно падаетъ, наканунѣ реформаціи его отрицаютъ цѣлый рядъ писателей (Эней Сильвій, Оккамъ, Марсилій Падуанскій, Виклефъ и др.), и въ отличіе отъ канонистовъ (которые единство международнаго союза обосновывали на духовномъ подчиненіи папѣ)—протестантскіе писатели основываютъ таковое на законѣ естественномъ. Для писателей новаго времени международный союзъ охватываетъ не одинъ католическій миръ, но все человѣчество, включая сюда даже еретиковъ и невѣрныхъ. Вотъ почему и для Джентили международное право—это естественное право народовъ (иначе государствъ), его источникъ—естественный разумъ, его показатель—общенародные обычаи, а право войны—его составная часть, какъ и право гражданское.

2) Въ разсужденіяхъ Джентили выступаетъ мыслитель, упорно и въ теченіе всей жизни отстаивающій свободу совѣсти.

3) Методъ изложенія болѣе философскій, какъ и у Гроція (non esse ex factis at ex rationibus statuendum говоритъ Джентили), и только въ сочиненіи о посольствахъ преобладаетъ историческій методъ.

4) Всѣ труды Джентили, хотя и недостаточно обработанные, дополняютъ другъ друга и въ цѣломъ составляютъ какъ бы большой трактатъ, въ коемъ изслѣдуются почти всѣ важнѣйшіе вопросы международной политики того времени. Этимъ объясняются многія особенности изложенія: трактаты стоятъ ближе къ жизни, ея запросамъ и нуждамъ, чѣмъ сочиненія средневѣковыхъ схоластиковъ. Но дабы отрѣшиться отъ авторитета канонистовъ, притязаній папства, Джентили, согласно установившемуся обычаю приводитъ множество цитатъ, изреченій, чѣмъ самое развитіе мысли по временамъ затемняется, а вслѣдствіе отступленій и чтеніе становится утомительнымъ. Изъ писателей кромѣ древнихъ—Цицерона, Аристотеля—онъ особенно часто ссылается на Альціата, Бальда, Гвичіардини, и Павла, къ нѣкоторымъ относится съ особымъ уваженіемъ (таковы Тассо, Боденъ, Пикколомини). По содержанію фактическаго матеріала у Джентили собрано болѣе, чѣмъ у Гроція, но система слабѣе, и недостатки рельефно выступаютъ. Въ трудахъ Джентили нѣтъ и того идеализма, того патріотическаго подъема духа, которые такъ возвышаютъ работы Гроція, и нравственный авторитетъ его ученій, обаяніе его имени, популярность его сочиненій—росли у послѣдующихъ поколѣній, а труды Джентили забывались.

В. Александренко.